

Во стольнѣм-то городе во Киеве,
Да у ласкова князя да у Владимира,
У ёго было пированьё, да был почесьён пир.

А-й было на пиру у ёго собрано
Князья и бояра, купцы-гости торговли
И сильни могучие богатыри,
Да все поленицы да приудалые.

Владимир-от князь ходит весёл-радочён,
По светлой-то грядне да он похаживат,

Да сам из речей да выговариват:
«Уж вы ой еси, князи да нонче бояра,
Да все же купцы-гости торговые!

Вы не знаете ле где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне-ка, да супротивницы,
Супротивницы мне-ка, да красной девицы,—

Красотой бы красна да ростом висока,
Лицо-то у ей да было б белой снег,

Очи у ей да быв у сокола,
Брови черны у ей да быв два соболя,
А реснички у ей да два чистых бобра?»

Тут и больш-от хоронится за среднёго,

Да среднь-от хоронится за меньшого,
От меньших — сидят — долго ответу нет.

А из-за того стола из-за середнёго,
Из-за той же скамейки да белодубовой
Выстават тут удалой да доброй молодец,
А не провелик детинушка, плечьми широк,
А по имени Добрынюшка Микитич млад.

Выстават уж он да низко кланяется,

Он и сам говорит да таково слово:

«Государь ты князь Владимир да стольне-киевской!

А позволь-кася мне-ка да слово молвити,
Не вели меня за слово скоро сказнить,
А скоро меня сказнить, скорее того повесити,
Не ссылай меня во ссылочку во дальнюю,
Не сади во глубоки да тёмны погрёбы.
У тя есь ноне двенадцать да тюрем темных,
У тя есь там сидит как потюрёмщицёк,
Потюрёмщицёк сидит есь, да доброй молодец,
А по имени Дунай да сын Иванович.

Уж он много бывал да по другим землям,
Уж он много служил да нонь многим царям,

А царям он служил много, царевичам,
Королям он служил да королевичам.
А не знат ли ведь он тебе обручницы,
А обручницы тебе, да супротивницы,
Супротивницы тебе, да красной девицы?»

Говорит тут князь Владимир да стольне-киевской:
«Уж вы слуги мои, слуги, да слуги верные!
Вы сходите-тко ведь нонче да в темны погрёбы,
Приведите вы Дуная сына Ивановича».

Тут и скоро сходили да в тёмны погрёбы,
Привели тут Дуная сына Ивановича.

Говорит тут князь Владимир да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Дунай ты да сын Иванович!
Скажут, много ты бывал, Дунай, по всем землям,
Скажут, много живал, Дунай, по украинам,
Скажут, много ты служил, Дунай, многим царям.

А царям ты служил много, царевичам,
Королям ты служил да королевичам.
Ты не знашь ли ведь где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне, да супротивницы,
Супротивницы мне-ка, да красной девицы?»

Говорит тут Дунай как да сын Иванович:

«Уж я где не бывал, да нонче всё забыл,—

Уж я долго сидел да в тёмной темнице».

Еще втапоре Владимир да стольне-киевской

Наливал ёму чару да зелена вина,

А котора-де чара да полтора ведра,

Подносил он Дунаю сыну Ивановичу.

Принимал тут Дунай чару да единой рукой,

Выпивал он ведь чару да к единому духу,

Он и сам говорит да таково слово:

«Государь ты князь Владимир да стольне-киевской!

Уж я много нонь жил, Дунай, по всем землям,

Уж я много нонь жил да по украинам,

Много служивал царям да и царевичам,

Много служивал королям я да королевичам.

Я уж жил-де, был в земли, да в земли дальнее,

Я во дальней жил в земли да Ляховитское,

Я у стремяна у короля Данила сына Манойловича,

Я не много поры-времени — двенадцать лет.

Еще есь у ёго да как две дочери,

А больша-то ведь дочи да то Настасея,

Еще та же Настасья да королевична;
Еще та же Настасья да не твоя чёта,
Не твоя чёта Настасья и не тебе жона,—
Еще зла поленица да приудалая.
А мала та дочи да то Опраксея,
Еще та Опраксея да королевична
Красотой она красива да ростом висока,
А лицо-то у ей дак ровно белой снег,
У ей ягодницы быв красные мазовицы,
Ясны очи у ей да быв у сокола,
Брови черны у ей да быв два соболя,
А реснички у ей быв два чистых бобра.
Еще есь-де кого дак уж княгиной назвать,
Еще есь-де кому да поклониться».

Говорит тут князь Владимир да стольне-киевской:

«Уж ты ой тихой Дунай да сын Иванович!
Послужи ты мне нонче да верой-правдою;
Ты уж силы-то бери, да сколько тебе надобно,
Поезжайте за Опраксеей да королевичней.
А добром король дает, дак вы и добром берите,
А добром-то не даст — берите силою,

А силой возьмите да богатырскою,
А грозою увезите да княженецкою».
Говорит тихой Дунай да сын Иванович:
«Государь ты князь Владимир да стольне-киевской!
Мне-ка силы твоей много не надобно,—
Только дай ты мне старого казака,
А второго Добрыню сына Микитича:
Мы поедем за Опраксеей да королевичней».
То и будут богатыри на конюшин двор,
А седлали, уздали да коней добрых,
И подвязывали седёлышка черкавские,
И подвязывали подпруги да шелку белого,
Двенадцать подпруг да шелку белого,
Тринадцата подпруга через хребетну кость,—
То не ради басы, да ради крепости,
А всё ради храбрости молодецкое,
Да для-ради опоры да богатырского,
Не оставил бы конь да во чистом поли,
Не заставил бы конь меня пешом ходить.
Тут стоели-смотрели бояра со стены да городовое,
А смотрели поездку да богатырскую,—

И не видели поездки да богатырское,
А только они видели, как на коней садились,
Из города поехали не воротами,
Они через ту стену да городовую,
А через те башни да наугольные,
Только видели — в поле да курева стоит,
Курева та стоит, да дым столбом валит.
Здорово стали они да полём чистым,
Здорово стали они да реки быстрые,
Здорово стали они да в землю в дальнюю,
А во дальнюю землю, да в Ляховитскую,
А ко стремяну ко королю ко красну крыльцу.
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж вы ой еси, два брата названные,
А старой казак да Илья Муромец,
А второй-де Добрынюшка Микитич млад!
Я пойду нонь к королю как на красно крыльцо,
Я зайду к королю нонь на новы сени,
Я зайду к королю как в светлу да светлицу,
А що не тихо, не гладко учинится с королем да на новых
сенях,

Затопчу я во середи кирпичные,—
Поезжайте вы по городу Ляховитскому,
Вы бейте татаровей со старого,
А со старого бейте да вы до малого,
Не оставляйте на семена татарские».

Тут пошел тихой Дунай как на красно крыльцо,—

Под им лисвёнки ти да изгибаются.
Заходил тихой Дунай да на новы сени,
Отворят он у грядни да широки двери,
Наперед он ступат да ногой правою,
Позади он ступат да ногой левою,
Он крест-от кладет как по-писаному,
Поклон-от ведет он да по-ученому,
Поклоняется на все на четыре да кругом стороны.

Он во-первы-то королю Ляховитскому:

«Уж ты здравствуешь, стремян король

Данило да сын Манойлович!»

— «Уж ты здравствуешь, тихой Дунай да сын Иванович!

Уж ты ко мне приехал да на пиры пировать,

Але ты ко мне приехал да нонь по-старому служить?»

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж ты стремян король Данило да сын Манойлович!

Еще я к тебе приехал да не пиры пировать,

Еще я к тебе приехал да не столы столовать,

Еще я к тебе приехал да не по-старому служить,—

Мы уж ездим от стольнёго города от Киева,

Мы от ласкова князя да от Владимира,

Мы о добром деле ездим — да всё о сватовстве

На твоей на любимой да нонь на дочери,

На молодой Опраксеи да королевичны.

Уж ты дашь ли, не дашь, или откажешь-то?»

Говорит стремян король Данило Манойлович:

«У вас стольн-ёт ведь город да быв холопской дом,

А князь-от Владимир да быв холопищю;

Я не дам нонь своей дочери любимое,

Молодой Опраксеи да королевичны».

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:

«Уж ты ой стремян король Данило да сын Манойлович!

А добром ты даешь, дак мы и добром возьмем,

А добром-то не дашь — дак возьмем силою,

А силой возьмем да мы богатырскою,

Грозой увезем мы да княженецкою».

Пошел тут Дунай да вон из горёнки,
Он стукнул дверьми да в ободверины,—
Ободверины ти вон да обе вылетели,
Кирпичны ти печки да рассыпалися.
Выходил тут Дунай как да на новы сени,
Заревел-закричел да громким голосом,
Затоптал он во середи кирпичные:
«Уж вы ой еси, два брата названные!
Поезжайте вы по городу Ляховитскому,
Вы бейте татаровьей со старого,
Со старого вы бейте да и до малого,
Не оставleyте на семена татарские».
Сам пошел тихой Дунай тут да по новым сеням,
По новым сеням пошел да ко третьим дверям,
Он замки ти срывал да будто пуговики,
Он дошел до Опраксеи да королевичны,—
Опраксеюшка сидит да ведь красенца ткет,
А ткет она сидит да золоты красна.
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой Опраксея да королевична!
Ты получше которо, дак нонь с собой возьми,

Ты похуже которо, да то ты здесь оставь
Мы возьмем увезем да тебя за князя,
А за князя да за Владимира».

Говорит Опраксея да королевична:
«А нету у меня нонь да крыла правого,
А правого крылышка правильнёго,—
А нету сестрицы у меня родимое,
Молодой-де Настасьи да королевичны:
Она-то бы с вами да приуправилась».

Еще втапоре Дунай тут да сын Иванович
Он брал Опраксею да за белы руки,
За её же за перстни да за злаченые,
Повел Опраксею да вон из горенки.
Она будёт супротив как да дверей батюшковых,
А сама говорит да таково слово:

«Государь ты родитель да мой батюшко!
Ты пощо же меня нонь да не добром отдаешь,
А не добром ты отдаешь, да ведь уж силою,
Не из-за хлеба давашь ты, да не из-за соли,
Со великого давашь ты да кроволития?
Еще есь где ведь где ле да у других царей,

А есь-де у их да ведь и дочери,—
Всё из-за хлеба дают, да из-за соли».
Говорит тут король да Ляховитские:
«Уж ты тихой Дунай ты да сын Иванович!
Тя покорно-де просим хлеба-соли кушати».
Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«На приездинах гостя не употчовал,—
На поездинах гостя да не учёстовать».
Выходил тут Дунай да на красно крыльцо.
Он спускался с Опраксеей да с королевичней
Садил-де он ей да на добра коня,
На добра коня садил да впереди себя,
Вопел он, кричел своим громким голосом:
«Вы ой еси, два брата названные!
Мы пойдём же нонь да в стольне-Киев-град».
Тут поехали они да в стольне-Киев-град.
А едут-де они да ведь чистым полём,—
Через дорогу тут лошадь да переехала
А на ископытях у ей подпись подписана:
«Кто-де за мной в сугон погонится,
А тому от меня да живому не быть».

Говорит тихой Дунай тут да сын Иванович:
«Уж ты ой старой казак ты да Илья Муромец!
Ты возьми у меня Опраксею да на своя коня,
На своя коня возьми ты да впереди себя;
А хоша ведь уж мне-ка да живому не быть,—
Не поступлюсь я поленицы да на чистом поли».

А сам он старику да наговариват:
«Уж ты ой старой казак да Илья Муромец!
Ты уж честно довези до князя до Владимира
Еще ту Опраксею да королевичну».

А тут-то они да и разъехались,—
Поехал Дунай за поленицею,
А богатыри поехали в стольне-Киев-град.
Он сустиг поленицу да на чистом поли.

А стали они да тут стрелетися:
Как устрелила поленица Дуная сына Ивановича,
А выстрелила у ёго да она правой глаз;
А стрелил Дунай да поленицу опять,—
А выстрелил ей да из седёлка вон.
Тут и падала поленица да на сыру землю.
А на ту пору Дунаюшко ухватчив был,

Он и падал поленице да на белы груди,
Из-за налучья выхватывал булатной нож,
Он хочёт пороть да груди белые,
Он хочёт смотреть да ретиво сердце,
Он сам говорит да таково слово:
«Уж ой поленица да приудалая!
Ты уж коёго города, коей земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, поленица, да именём зовут,
Тебя как звеличают да из отечества?»
Лёжочись поленица да на сырой земли,
А сама говорит да таково слово:
«Кабы я была у тя на белых грудях,
Не спросила бы ни имени, ни вотчины,
Ни отечества я, ни молодечества,—
Я бы скоро порола да груди белые,
Я бы скоро смотрела да ретиво сердце».
Замахнулся тут Дунай да во второй након,
А застоялась у ёго да рука правая,
Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты ой поленица да приудалая!

Ты уж коёго города, коей земли,
Ты уж коее дальнее украины?
Тебя как, поленица, да именём зовут,
Тебя как звеличают да из отечества?»
Лёжочись поленица да на сырой земли,
А сама говорит да таково слово:
«Уж ты ой еси, тихой Дунай сын Иванович!
А помнишь ли ты, але не помнишь ли —
Похожоно было с тобой, поезжоно,
По тихим-то вёшным да всё по заводам,
А постреляно гусей у нас, белых лебедей,
Переперистых серых да малых утицей».
Говорит тут тихой Дунай сын Иванович:
«А помню-супомню да я супамятую,—
Похожоно было у нас с тобой, поезжоно,
На белых твоих грудях да приулёжано.
Уж ты ой еси, Настасья да королевична!
Увезли ведь у вас мы нонь родну сёстру,
Еще ту Опраксею да королевичну,
А за князя да за Владимира.
А поедем мы с тобой в стольне-Киев-град».

Тут поехали они как да в стольне-Киев-град,
А ко князю Владимиру на свадьбу.

А приехали они тут да в стольне-Киев-град,
Пировали-столовали да они у князя.

Говорит тут ведь тихой Дунай сын Иванович:
«Государь ты князь Владимир да стольне-киевской!
Ты позволь-кася мне-ка да слово молвити.

Хошь ты взял нониче меньшу сёстру,—
Бласлови ты мне взять нонче большу сёстру,
Еще ту же Настасью да королевичну».

Говорит тут князь Владимир да стольне-киевской:

«Тебе бог бласловит, Дунай, жениться».

Весёлым-де пирком да то и свадьбой
Поженился тут Дунай да сын Иванович.

То и сколько ли времени они пожили,
Опять делал Владимир да князь почесьен пир,

А Дунай на пиру да прирасхвастался:

«У нас нет нонь в городе сильне меня,
У нас нету нонь в Киеве горазне меня».

Говорила тут Настасья да королевична:

«Уж ты ой тихой Дунай да сын Иванович!

А старой казак будёт сильне тебя,
Горазне тебя дак то и я буду».
А тут-то Дунаю да не занравилось,
А тут-то Дунаю да за беду пришло,
За велику досаду да показалось.
Говорит тут Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой еси, Настасья да королевична!
Мы пойдем-ка с тобой нонь да во чисто полё,
Мы уж станём с тобой да нонь стрелетися —
Мы во дальнюю примету да во злачен перстень».
И пошли-де они да во чисто полё,
И положила Настасья перстень да на буйну главу
А тому же Дунаю сыну Ивановичу,
Отошла-де она да за три поприща,
А и стрелила она да луком ярым е,—
Еще на́двое перстень да расколупится,
Половинка половиночки не убьёт же.
Тут и стал-де стрелеть опеть Дунаюшко,—
А перв-от раз стрелил, дак он не дострелил,
А втор-от раз стрелил, дак он перестрелил.
А и тут-то Дунаю да за беду пришло,

За велику досаду да показалося,—
А метит-де Настасью да он уж третий раз.
Говорила Настасья да королевична:
«Уж ты ой тихой Дунай ты да сын Иванович!
А-й не жаль мне князя да со княгиною,
И не жаль сёго мне да свету белого,—
Только жаль мне в утробы да млада отрока».
А тому-то Дунай да не поверовал,
Он прямо спустил Настасье во белы груди,—
Тут и падала Настасья да на сыру землю.
Он уж скоро-де падал Настасье на белы груди,
Он уж скоро порол да груди белые,
Он и скоро смотрел да ретиво сердцо,
Он нашел во утробы да млада отрока,—
На лбу у ёго подпись та подписана:
«А был бы младень этот силён на земли».
А тут-то Дунаю да за беду стало,
За велику досаду да показалося,
Становил ведь уж он свое востро копье
Тупым-де концом да во сыру землю,
Он и сам говорил да таково слово:

«Протеки от меня и от жаны моей,
Протеки от меня да славной тихой Дон».
Подпирался ведь он да на остро копье,
Еще тут-то Дунаю да смерть случилася.
А затем-то Дунаю да нонь славы поют,
А славы ты поют да старины скажут.